

ПАРАДОКСЫ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ: КОНФЛИКТ ЗНАЧЕНИЙ И СМЫСЛА ИЛИ СМЕНА КУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЫ?

Рассмотрены вопросы, связанные с феноменом современной благотворительности. В частности, анализируются значения понятия «благотворительность», приводимые в различных справочных изданиях, с учетом трансформации их смысла. Установлено наличие конфликта между устоявшимися представлениями о благотворительности в общественном сознании и словарными значениями, что можно объяснить неоправданным дополнением изначального смысла диссонирующими элементами. Процесс внедрения в национальную культурную парадигму чуждых русскому сознанию элементов, идущий вразрез с общественными представлениями и национальными традициями, может быть назван контр-культуротворчеством, поскольку направлен на разрушение культурных универсалий.

Ключевые слова: благотворительность, культурная парадигма, мировоззренческие универсалии культуры, значение, смысл, когнитивный диссонанс, контр-культуротворчество.

M. Golkova

PARADOXES OF CHARITY: THE CONFLICT OF MEANINGS AND SENSE OR ANOTHER CULTURAL PARADIGM?

In this article the problems of the modern charity are discussed. Various definitions of charity from different reference books were taken into account with transformation of their meaning and analyzed. The established conflict of traditional ideas about charity in the public sense and the dictionary definitions can be explained by the addition of dissonance elements to the original meaning. The process of the introduction of elements alien to traditions and features of culture into national cultural paradigm may be defined as a counter-culture creation. This process contravenes the national idea and leads to destroying cultural universalities.

Keywords: Charity, cultural paradigm, worldview universalities of culture, signification, meaning, cognitive dissonance, counter-culture creation.

Если исходить из того, что «в своей совокупности мир вещей, знаний, норм, идей, верований, образцов поведения, ценностных ориентаций, произведений искусства, технологий труда и т. д. образует запрограммированный и реализованный опыт социальной жизнедеятельности», а культура, выполняя функцию социальной памяти, «хранит и транслирует этот опыт» [9,

с. 93], то можно предположить, что именно культурная парадигма задаёт экзистенциальные координаты бытия.

Основа же культурной парадигмы определяется базисными ценностями и жизненными смыслами, то есть мировоззренческими универсалиями культуры, аккумулирующими исторически накопленный опыт. Таким образом, «понять феномен

культуры можно, анализируя особенности человеческой деятельности и ее метаморфозы в истории», принимая во внимание, что трансформация культурных универсалий неизбежно сопровождается появлением новых смыслов и значений и соответственно «формированием новых кодовых систем, закрепляющих и транслирующих эти смыслы и значения» [9, с. 93].

Трансформация культурных универсалий может осуществляться как в направлении их развития, расширения исходного смысла за счет добавления недиссонирующих элементов, так и в направлении их переосмысления и, в конечном итоге, разрушения. Так как в истории человечества культура, сформировавшись как специфический способ кодирования социально значимой информации, стала «своего рода аналогом генетических кодов» [9, с. 93], то неизбежно возникающий когнитивный диссонанс сравним с «социально-генетическим экспериментированием и насилием над ментальностью», когда «сугубо революционным путем разрушаются тонкие и чувствительные механизмы социальной памяти, деформируется процесс социального наследования и разрывается связь времен и преемственность поколений» [5, с. 61–62].

В связи с изложенным несомненный интерес представляет трансформация термина «благотворительность», поскольку он не только являет собой пример существующего в настоящее время несовпадения значений и смысла, но и непосредственно затрагивает культурные универсалии русского народа и, в конечном счете, дает ответ на вопрос о том, что же есть благо.

Следует отметить, что понятия «смысл» и «значение» не тождественны: по определению, приводимому в философских словарях, под значением понимается тот предмет (явление), который обозначается

этим выражением (словом); смысл же выражения отражает мыслимое содержание значения, то есть ту заключенную в выражении информацию, благодаря которой то или иное слово идентифицируется с тем или иным предметом.

Значение понятия «благотворительность», данное в Толковом словаре В. Даля, трактуется как «качество благотворящего», то есть того, кто занимается «благотворением»; благотворение же — это «благое деяние, делание добра» [3].

Позже словом «благотворительность» обозначалось уже не качество благотворящего, а деятельность: «оказание материальной помощи нуждающимся как отдельными лицами, так и организациями» [12]; деятельность, «посредством которой частные ресурсы добровольно и безвозмездно распределяются их обладателями в целях содействия нуждающимся людям, решения общественных проблем, а также усовершенствования условий общественной жизни» [13]; «прямая поддержка бедных, больных, инвалидов, вообще обездоленных как со стороны частных лиц и организаций, так и со стороны государства» [14] (определения даны в хронологическом порядке).

Очевидно, что содержательное поле трансформировалось за счет расширения как субъекта, так и объекта благотворительной деятельности: если изначально субъектом признавался только человек, то затем к субъектам причисляются и организации, и даже государство; что же касается объекта, то это — уже не только нуждающиеся, но и некие общественные проблемы, и — шире — общественная жизнь.

Таким образом, можно констатировать, что изначально наполненное смыслом значение обесмысливается. Для обоснования этого тезиса следует обратиться к содержательному аспекту, то есть рассмотреть

ту информацию, которая изначально содержится в понятии «благотворительность».

Сущность благотворительности и её метафизический смысл анализировались ещё во времена античности Сенекой. Сенека полагал, что благотворительность — это «благодетельное действие, которое дает радость другим и, давая, получает ее. По сей причине важно не то, что делают или что дают, но с каким расположением духа это совершают, ибо в этом-то расположении лица, дающего или делающего, и состоит самое благодеяние...» [11, с. 20–21]. Различая благодеяние истинное и мнимое, Сенека утверждает: «Никто не записывает благодеяний в долговую книгу и не напоминает о них ... Иначе благодеяние принимает вид ссуды»; «Один дал немного, но больше он и не мог! А другой дал много, но зато колебался, медлил, ... подал гордо, выставил это напоказ и желал угодить не тому, кому давал: давал он для своего честолюбия...»; «мудрецы учат, что... то, что... служит пособием в немощи, нужде, бесславии, следует давать тайно, так, чтобы было известно только тем, кому помогают» [11, с. 16–32].

Таким образом, благотворительность — это деяние, исключаящее какой-либо корыстный расчет (или расчет на благодарность) и публичность, а потому ее смысл — не только в готовности помочь, но и в преодолении собственного эгоизма. Так как ключевым моментом является именно бескорыстие, то благодеяние — это актуализация таких культурных ценностей, как идеалы любви к ближнему, благородства, милосердия.

Исходя из этого, можно сформулировать «кредо благотворителя»: истинное благодеяние как акт, стимулируемый душевным расположением, характеризуется бескорыстием, своевременностью и непубличностью. Слово «благотворитель-

ность» изначально содержало именно такую информацию.

Уже значительно позже, когда благотворительность приобрела публичный организованный характер, она подвергалась критике и с житейско-прагматических (Б. Мандевиль), и с экономических (Дж. Милль), и с социологических (П. Лафарг), и с морально-нравственных (Л. Н. Толстой, Д. В. Григорович) позиций. Однако критике подвергалась не помощь ближнему (не благодеяние как таковое), а те формы организованных «филантропических гешефтов», из которых «мужчины извлекают барыши, а дамы — развлечения» [8, с. 363].

В то же время изначальный смысл понятия оставался неизменным: «По-моему, благотворительность — ... делать добро просто...» (Д. В. Григорович) [2, с. 132]. Ф. М. Достоевский писал, что в истинной заботе о благе нет места рациональному расчету, лучше уж ничего не предпринимать, чем делать формально. Следовательно, делать надо то, что велит сердце: «велит отдать имение — отдайте, велит идти работать на всех — идите», важна лишь «решимость делать все ради деятельной любви» [4, с. 433–435].

Таким образом, истинная благотворительность стимулируется деятельной любовью, а потому исключает формализацию, корыстный расчет и публичность. Из этого следует, что и в конце XIX века смысловое содержание термина «благотворительность», если рассматривать его экзистенциальную сущность, а не как некую имеющуюся в наличии (в виде благотворительных организаций) данность, по сути, осталось неизменным.

Предположение о том, что и в настоящее время смысл понятия «благотворительность» тождествен традиционному, было подтверждено результатами исследования, проведенного в 2011–2012 гг., в ходе которого были опрошены 1500 человек

Северо-Западного региона России. Понимание благотворительности (как индивидуального акта поддержки) практически не изменилось: она характеризуется обращением к тем же ценностям, требующим реализации, и теми же культурными константами — душевным расположением и любовью к ближнему, бескорыстием, непубличностью, ответственностью.

Тем не менее, в современных СМИ существует тенденция отождествлять индивидуальную помощь с милостыней, а к субъектам благотворительности причислять НКО, а также государственные и благотворительные фонды. Анализ публикаций позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время деятельность, именуемая благотворительной, существует на нескольких субъектных уровнях: на уровне отдельной личности; на уровне социальных групп (добровольные сообщества граждан, объединенных на основе общей идеи — помощь бездомным, детским домам, домам престарелых; профессиональные сообщества, оказывающие безвозмездную консультационную помощь); на муниципальном или региональном уровне (фонды при административных структурах, формируемые за счет пожертвований и создаваемые для решения проблем в сфере здравоохранения; НКО и фонды, аккумулирующие и распределяющие финансовые средства); на государственном уровне.

Очевидно, что непосредственное отношение к благотворительности имеют субъекты первых двух уровней, фонды существуют лишь для перераспределения финансовых потоков либо для натуральной помощи; выражение «государственная благотворительность» — практически оксюморон, поскольку действия государства, направленные на поддержку незащищённых слоёв населения, укладываются в рамки социальной политики. Так же лишено

смысла широко используемое понятие «корпоративная благотворительность», поскольку тенденция наделять таким качеством, как «душевное расположение», юридические лица не представляется перспективной.

Вероятно, Р. Г. Апресян, исходя из тех же предпосылок, осмысляя феномен современной благотворительности (в её организованных формах), хотя и признаёт, что при сочетании духовного и рационального начал, благотворительность «оказалась как бы оборотной стороной успешного (временами и изворотливого) бизнеса», всё же предлагает использовать иной термин — «социальная инженерия» [1, с. 60–61].

Поскольку в настоящее время множась число благотворительных фондов свидетельствует не о сглаживании социальных противоречий, а об отрицательной динамике, об углублении социального расслоения, можно утверждать, что надеждам на то, что благотворительность станет эффективным способом решения общественных проблем, так и придется остаться надеждами. Следовательно, расширение субъектно-объектного состава благотворительной деятельности является неоправданным.

Таким образом, можно констатировать наличие конфликта между представлениями о благотворительности в общественном сознании и значениями, предлагаемыми справочниками, а также формируемыми СМИ. Изначальный смысл искусственно дополняется диссонирующими элементами, и в сознании, «отягощенном» традиционными ценностями, значение обесмысливается, то есть возникает когнитивный диссонанс.

Иными словами, по меткому выражению В. В. Колесова, «русского человека рвут на части надуманные термины» [7, с. 31]. В то время как «идеи витают в воздухе,

---

а идеалы — бесплотны, но всеми ощущаются, все дело в том, в каком виде те и другие являются в мир. Идеалы — идеи — символы, которые необходимо перевести в понятия, чтобы их поняли все, ухватили сознанием, вылавливая в глубинах подсознательного» [7, с. 47], то есть соотнося с исторической памятью, с теми культурными универсалиями, которые лежат в основе культурной парадигмы.

И. А. Ильин писал, что «русская душа прежде всего есть дитя *чувства и созерцания*. Её культуротворящий акт суть *сердечное видение и религиозно совестливый порыв...*» [6, с. 411], следовательно, «русская добродетель — это добродетель *сердца и совести*. Здесь всё основано не на моральной рефлексии, не на «проклятых долге и обязанности», не на принудительной дисциплине или страхе греховности, а скорее на свободной доброте и на несколько *мечтательном, порою сердечном созерцании*» [6, с. 402]. Именно поэтому то, что «во время зимних метелей всю ночь звонят церковные колокола, а в крайних домах деревень всю ночь горит свет: усталый заблудившийся путник найдет ночлег даже в переполненной избе» [6, с. 401], с точки зрения рационального разума не понять.

О том же пишет и В. В. Колесов: «для русского сознания всегда важны «глубина души и высота духа»,... в этом основное отличие от культуры Запада, с характерной для нее ориентацией на рассудок... Психологическая установка от чувства представлялась более важной, чем установка логическая», полностью разделяя утверждение К. Аксакова о том, что «на Западе совесть заменяется законом, внутреннее побуждение — регламентом, даже благотворительность превращается в механическое дело» [7, с. 34–40].

Следовательно, в русском культурном сознании безусловным благом является милосердное деяние, побуждаемое сердцем

и совестью, без какой-либо примеси рационального расчета. Те же акции, когда «личный опыт милосердия и альтруизм системообразующими не являются, а законы «суперсимволической экономики» ставят под сомнение бескорыстность» [10, с. 52], с истинной благотворительностью не соотносятся.

Деятельность людей, направленная на развитие ментального мира, метафорически сравнивается Л. М. Мосоловой с «культуротворчеством — созданием организованного, ладно устроенного, духовного осмысленного и отраженного в искусстве мира...» [9, с. 95]. В. В. Колесов же пишет: «Классический пример нарушения лада — Россия последних десятилетий. Она стала сточной канавой европейского глубокомыслия, и канал реалистического действия оказался замусоренным чужими идеями» [7, с. 47].

Действительно, формируемое в настоящее время представление о том, что благо — не любовь к ближнему и не милосердие, а множасьщееся число благотворительных фондов, выводит русскую душу из сферы «чувства и созерцания», а русскую добродетель — из сферы «сердца и совести». В результате искусственного внедрения в национальную культурную парадигму чуждых русскому сознанию элементов конфликт значений и смысла развивается, и этот процесс, направленный на разрушение культурных универсалий, может быть назван контркультуротворчеством.

С. А. Емельянов отметил, что один из ведущих теоретиков прагматизма Д. Дьюи, отрицая исходящие из абстрактных моральных принципов концепции радикального преобразования общества, предлагал заменить социальные преобразования сдвигом в сознании и мировоззрении, совершаемым эволюционными методами [5, с. 60], то есть постепенной сменой культурной парадигмы. Именно этот процесс мы сейчас и наблюдаем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Апресян Р. Г.* Дилеммы благотворительности // *Общественные науки и современность*. 1997. № 6. С. 56–67.
2. *Григорович Д. В.* Акробаты благотворительности. СПб.: Изд-во А. Ф. Маркса, 1896. 132 с.
3. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.: Изд-во М. О. Вольфа, 1880. Т. 1.
4. *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя. СПб.: Лениздат, 1999.
5. *Емельянов С. А.* Феноменология русской идеи и американской мечты // *Общество. Среда. Развитие*. 2009. № 3. С. 57–62.
6. *Ильин И. А.* О русской культуре // *Собр. соч.: В 10 т. М.: Русская книга, 1996. Т. 6. Кн. II. С. 373–621.*
7. *Колесов В. В.* Русская душа // *Общество. Среда. Развитие*. 2008. № 1. С. 31–47.
8. *Лафарг П.* Благотворительность // *Этическая мысль: научно-публицистические чтения*. М.: Политиздат, 1988.
9. *Мосолова Л. М.* О предметном поле культурологии // *Культура и текст*. 2012. № 1. С. 91–96.
10. *Никифорова Л. В., Матлахова М. С.* Благотворительность // *Гуманитарный лексикон*. СПб.: Астерион, 2009. С. 42–55.
11. *Сенека.* О благодеяниях // *Римские стоики*. М.: Республика, 1995.
12. *Энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1990.
13. http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/148/.
14. http://www.portalus.ru/modules/politics/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1166457842&archive=&start_from=&ucat=11&.

REFERENCES

1. *Aprėsjan R. G.* Dilemmy blagotvoritel'nosti // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 1997. № 6. S. 56–67.
2. *Grigorovich D. V.* Akrobaty blagotvoritel'nosti. SPb.: Izd-vo A. F. Marksa, 1896. 132 s.
3. *Dal' V.* Tolkovyj slovar' zhivogo velikorussskogo jazyka. T. 1. SPb.: Izd-vo M. O. Vol'fa, 1880.
4. *Dostoevskij F. M.* Dnevnik pisatelja. SPb.: Lenizdat, 1999.
5. *Emel'janov S. A.* Fenomenologija russkoj idei i amerikanskoj mechty // *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*. 2009. № 3. S. 57–62.
6. *Il'in I. A.* O russkoj kul'ture // *Sobr. soch.: V 10t. M.: Russkaja kniga, 1996. T. 6. Kn. II. S. 373–621.*
7. *Kolesov V. V.* Russkaja dusha // *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*. 2008. № 1. S. 31–47.
8. *Lafarg P.* Blagotvoritel'nost' // *Eticheskaja mysl': nauchno-publitsisticheskie chtenija*. M.: Politizdat, 1988.
9. *Mosolova L. M.* O predmetnom pole kul'turologii // *Kul'tura i tekst*. 2012. № 1. S. 91–96.
10. *Nikiforova L. V., Matlahova M. S.* Blagotvoritel'nost' // *Gumanitarnyj leksikon SPb.: Asterion, 2009. S. 42–55.*
11. *Seneka.* O blagodejanijah // *Rimskie stoiki*. M.: Respublika, 1995.
12. *Enciklopedicheskij slovar'*. M.: Sovetskaja enciklopedija, 1990.
13. http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/148/.
14. http://www.portalus.ru/modules/politics/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1166457842&archive=&start_from=&ucat=11&.